

УДК 94(436).07

UDC

DOI: 10.17223/23451734/8/2

О ЗНАЧЕНИИ РУССКОГО ПОХОДА 1849 г. ДЛЯ АВСТРО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

А.С. Будилович

Резюме

Автор рассказывает о походе русской армии в 1849 г. под началом генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича-Эриванского для подавления венгерского восстания. А. Будилович считал, что поход принес пользу не только славянам и румынам Венгрии, но и простому венгерскому народу.

Поход 1849 г., по мнению автора, доказал, что Среднедунайская долина находится в сфере интересов России, которой безразлична судьба живущих здесь народов. А. Будилович напомнил, что русские (русины) проживают до сих пор в верховьях Тисы и Бескид. К статье прилагается записка о походе 1849 г. одного из австрийских военных комиссаров, прикомандированного во время похода к III корпусу графа Ридигера.

Ключевые слова: А.С. Будилович, русины, Венгрия, Трансильвания, Австрийская империя, Россия, Венгерская революция 1848 г., экспедиционный корпус И.Ф. Паскевича.

REGARDING THE SIGNIFICANCE OF THE RUSSIAN CAMPAIGN OF 1849 FOR THE AUSTRO-UNGARIAN PEOPLES

A.S. Budilovich

Abstract

The author tells about the campaign of the Russian army, under the leadership of Field Marshall I.F. Paskevich-Erivanskii, to quell the Hungarian uprising in 1849. He considers that the campaign brought opportunity not only to the Slavs and Rumanians of Hungary but also to the common Hungarians. According to the opinion of the author, the campaign of 1849 showed that the Middle-Danubian Plain was located in the sphere of the interests of Russia, to whom the fate of the inhabitants was not of little concern. A. Budilovich reiterated that the Russians (Rusins) inhabit the area around the source of the Tisza and the Beskid Mountains up to the present. A note about the campaign of

1849 by Count Ridiger, one of the Austrian Military Commissioners assigned to the Third Corps during the campaign, was attached to the article.

Keywords: A.S. Budilovich, Rusins, Hungary, Transylvania, Austrian Empire, Russia, Hungarian Revolution of 1848, Paskevich expeditionary corps.

Недавняя смерть бывшего мадьярского диктатора Кошута вновь воскресила в памяти его современников и потомства события 1848–1849 годов, в ряду которых русский поход в Угriu, бесспорно, имеет весьма важное, отчасти решающее значение. При оценке этих событий и особенно нашей «венгерской кампании» мнения и историков, и политиков сильно расходятся, так что стоит труда приглядеться к ним несколько ближе, чтобы решить вопрос: полезен или вреден был этот поход для России, для австро-угорских народов и вообще для образованного человечества, по крайней мере, в политическом отношении?

Если мы сравним положение Австрии в начале марта 1848 г. с ее положением год спустя, в марте 1849, т. е. непосредственно перед нашей «венгерской кампанией», то не можем не заметить громадной разницы. В начале 1848 г. Австрия находилась, по общему признанию и своих, и чужих политиков, в очень благоприятных условиях для внутреннего и внешнего развития. Меттерних, уже 40 лет стоявший во главе не только иностранной, но отчасти и внутренней политики Габсбургской монархии, пользовался славой не только самого опытного, но и самого гениального государственного человека понаполеоновской Европы. Очень выдающейся личностью был признаваем не в одной Австрии и гр. Коловрат. Болезненный император Фердинанд I не мог, правда, управлять самостоятельно большой империей, но это и не требовалось от государя, окруженного такими министрами и, сверх того, опиравшегося на домашний совет (камарилью) с эрцгерцогом Людвигом и эрцгерцогиней Софией во главе. Внутреннее управление, суды, финансы казались вполне благоустроенными, и антагонизм народов империи не выходил из рамок лояльности и легальности. Международное положение империи, стоявшей во главе Германского союза и имевшей обширные владения в Верхней Италии, возбуждало во многих удивление и ревность. Народы Балканского полуострова чаще обращали свои взоры к Вене, чем к Петербургу, тем более что гр. Нессельроде и другие русские дипломаты его школы считали себя как бы учениками Меттерниха и охотно подчинялись водительству этого столба «священного союза». В не менее дружественных, отчасти зависимых отношениях к Меттерниху находились тогда и Гизо во Франции,

а Пальмерстон в Англии. Вполне забытым казалось тогда унижение Аустерлица, заживленными раны Ваграма.

Австрия представлялась твердыней монархизма, оплотом консервативных идей на всю Европу.

Но не прошло и одного года, как в той же Австрии перед нами открывается картина совершенно другого рода. К марту 1849 г. мы там не находим уже ни Фердинанда I, ни Меттерниха, ни камарильи, а вместо них видим на престоле юного Франца Иосифа; во главе администрации – Шварценберга, Стадиона, Баха; вместо патриархального абсолютизма – кромерижский парламент и – правда, октроированную и чисто бумажную – Конституцию 4 марта. Даже резиденцией была тогда уже не Вена, а после тирольского Инсбрука – моравский Оломуц. Вместо прежней лояльности видим волнения и смуты даже в кровно немецких владениях Габсбургов: Вена за повторительные мятежи бомбардирована Виндишгрецем и оставлена императором; штирийский Градец (Graz) кишит пангерманствующими республиканцами; богобоязненный и династический Тироль разбит междоусобиями немцев и итальянцев; Верхняя Италия в открытой войне с императором, склоняясь, скорее, на сторону короля сардинского, даже мадзиниевской республики, чем австрийского дома, несмотря на военные подвиги Радецкого и его полуславянских полков. Даже консервативная чешская Прага, бомбардированная в июне 1848 г. за непослушание Виндишгрецу, является теперь очагом оппозиции, равно как и вообще чешский народ в лице своих парламентных депутатов Палацкого, Ригера, Браунера; бунтуют и поляки, вынуждая сами гр. Стадиона к обстреливанию г. Львова; и русские жители Галиции, Буковины, Угрии не довольствуются прежним своим «счастьем», а заявляют притязание на уравнивание своих прав с правами поляков, немцев, мадьяр; словаки, сербы, хорваты с оружием в руках, под предводительством Гурбана, Штура, Годжи, Шупликаца и Раячича, Елачича и Кничанина, восстают против терроризма мадьяр и громко требуют против них помощи – если не со стороны Австрии, то России; брожение все шире распространяется и между издревле пассивными и забытыми румынами, а отчасти и между саксами Семиградья.

Но всего более забот и опасений вызывали тогда в Австрии смуты мадьярские, начавшиеся еще с марта 1848 г. Они не только не были подавлены ни уступками, ни угрозами, ни, наконец, военными действиями Виндишгреца, Елачича и Кничанина, но, наоборот, все более принимали характер настоящей революции, так что в марте 1849 г. австрийское правительство имело уже полное основание бояться с этой стороны не то что за Пешт или Пребсбург, но за саму Вену.

24 апреля австрийские войска принуждены были очистить Пешт, а 26 – снять осаду Коморна, который вследствие того стал в руках Гергея операционным базисом против Пресбурга и даже Вены. Но еще раньше, 14 апреля, мадьярский сейм в Дебречине, по предложению Кошута, объявил Габсбургов низложенными, а Венгрию – независимой республикой с Кошутом как губернатором во главе. Быть может, Австрия и справилась бы с этими затруднениями в Венгрии, если бы она могла отозвать из Италии армию Радецкого; но это значило отказаться от Ломбардии и Венеции, которые считались драгоценнейшими перлами в короне Габсбургов. Наконец, и международное положение значительно ухудшилось вследствие великогерманской агитации в Германии и явных поползновений Пруссии стать во главе пангерманистов и таким образом отодвинуть на задний план Австрию, дотеле первенствовавшую в немецком союзе. Правительственная перемена во Франции расстроила прежнюю дружбу ее с Австрией, к которой заметно охладел и Пальмерстон, перенесший свои симпатии к Савойскому дому в Италии и отчасти даже Кошуту в Венгрии.

При таких условиях мы не должны удивляться, что в марте 1849 г. император Франц Иосиф был вынужден обратиться к Николаю I с просьбой о военной помощи против мадьярских мятежников; несколько же позже, в апреле, князь Шварценберг настоятельно просил князя Паскевича поспешить с высылкой в Моравию хотя бы только 25–тысячного отряда, объясняя, что Вена находится в величайшей опасности. Вследствие того 23 апреля 1849 г. отряд генерала Панютина вступил в Моравию, а затем в Венгрию для усиления войск, прикрывавших столицу Австрии от мадьярских мятежников. Общее же число русских войск, назначенных императором Николаем I для действий в Угрии и Семиградии, простиралось до 191 587 ч. и 59 929 лошадей. Значительность этой вспомогательной армии, которая понадобилась Австрии при совместном с князем Паскевичем действии всех наличных австрийских сил, кроме армии Радецкого, может служить доказательством полной недостаточности тогдашних собственных средств Габсбургской державы для подавления революции и успокоения страны.

Не входя в обзор событий этой войны, мы не можем, однако, не отметить, что, несмотря на ее непопулярность между русскими офицерами, которые, в сущности, предпочитали мятежных мадьяр союзным австриякам, офицеры эти совместно с русскими солдатами с честью исполнили свой долг.

Не более двух месяцев понадобилось князю Паскевичу для полного разгрома мятежников, несмотря на полупартизанский харак-

тер военных действий и трудность комбинировать их, как некогда Суворову, с ревнивыми, а нередко и бестолковыми операциями союзной австрийской армии. Русские войска, равно свободные от упреков как в нерешительности, так и в жестокости, чем нередко грешили тогда и мадьярские, и австрийские войска, прошли всю Венгрию как триумфаторы, с восторгом встречаемые населением угро-славянским и румынским, а под конец стяжавшие себе уважение и доверие даже в среде мадьяр, так что перед ними, а не перед войсками австрийскими сложили, наконец, свое оружие армии Гергея, Казинца, Вечея и гарнизон Арадский. Если же гарнизон Петроварадинский и Коморнский сдались не русским, а австрийцам, то это произошло лишь по отсутствию русских в этих местностях в период сдачи. Сдаваясь, многие мадьярские офицеры и солдаты просили о принятии их в русскую армию, в чем, однако, им было отказано. Не согласился князь Паскевич и на ходатайство временного мадьярского правительства о принятии Венгрии под русское покровительство с назначением на ее трон одного из Романовых или принца Лейхтенбергского.

Многие славянские и неславянские публицисты считают непринятие императором Николаем I положенной тогда у ног его короны Угрии крупной политической ошибкой, которой объясняются-де многие позднейшие неудачи и разочарования России в ее отношениях к западному и южному славянству, а также к Австрии, Турции и Западной Европе. Но если вспомнить, что, приняв корону Угрии из рук мадьярских мятежников, император Николай I или его наместник в Угрии поневоле был бы вынужден принимать во внимание желания и интересы этих мятежников, находящееся нередко в противоречии с желаниями и интересами румыно-славянских населений Венгрии и Семиграда, что, следовательно, Россия очень легко могла бы наделать в Венгрии таких же ошибок, как в Польше при Константине Павловиче, отчасти и позже, то упомянутый отказ импер. Николая I от столь щекотливой короны окажется не только рыцарским в отношении к союзникам, но и политичным по отношению к интересам самой России (?).

Переходя затем к главному вопросу настоящей статьи – об историческом значении и политических последствиях нашей венгерской кампании, мы остановимся прежде всего на ее последствиях для Австрии, а потом уже для России и ее исторических союзников в среде народов Габсбургской монархии.

Для Австрии эта кампания была, бесспорно, весьма благотельна: она не только возвратила в ее полное обладание обширную и богатую область, составлявшую с Могачской битвы (1526 г.) главный

предмет вожделий австро-венгерской политики, а затем самый драгоценный перл в короне Габсбургов, но и положила конец немецкой революции во всех прочих австрийских областях, обеспечила авторитет правительства в Чехии и Галичине, Штирии и самой Вене, восстановила «обаяние» Австрии в Германии, Италии, Турции – словом, ее положение, спасла ее в смысле политическом.

Были, правда, политики и историки – именно немецкие, которые старались уменьшить значение этой кампании для Австрии, даже свести ее на нуль, уверяя, что Австрия сделала громадную политическую ошибку, обратившись в марте 1849 г. с просьбой о военной помощи к России, что с мадьярской революцией она могла справиться и без этой помощи, вызвав, например, из Италии армию Радецкого, который не хуже Паскевича сумел бы разделаться со сбродом Кошута и Гергея. Но если бы это было вообще возможно, то ни Франц Иосиф, ни Шварценберг не стали бы и обращаться к императору Николаю Павловичу и князю Паскевичу с настоятельным зовом на помощь. Не говоря уже о важности для Австрии ее верхнеитальянских владений, которыми немцы так дорожили еще со времен Гогенштауфенов, даже Оттонов и Карла Великого, армия Радецкого в марте 1849 г. не превышала 70–80 000 ч., причем она была составлена из элементов очень разнородных: немецких, славянских, румынских, которые могли бы отчасти оказаться и непригодными для войны с мадьярами и поляками. Армия эта была уже утомлена и, следовательно, никак не могла бы сделать с равным успехом того подвига, который совершен почти 200-тысячной и совершенно свежей и однородной армией князя Паскевича. Так и в 1866 г. австрийские войска оказались вполне пригодными для поражения под той же Кустоцкой, что при Радецком итальянской армии Виктора Эммануила; но под Кенигрецом и вообще на северном театре австро-прусской войны те же войска вполне оправдали ту «проклятую привычку – быть битыми», в которой упрекал их еще Суворов.

Но обратимся к другой, более важной части поставленного вопроса о нашей венгерской кампании: была ли она полезна для России и славян или, вернее, греко-славян и румыно-славян? Издавна привыкли и наши, и многие инославянские писатели, военные и светские, давать на этот вопрос ответ отрицательный, ссылаясь в доказательство на то, что, во-первых, Австрия оказалась впоследствии неблагодарной России и румыно-славянам, во-вторых, что положение румыно-славянских подданных Габсбургов после этой кампании вовсе не улучшилось, а наоборот – еще более ухудшилось, и, в-третьих, что Австрия собственно отжила свой век и, следовательно, для блага человечества должна бы исчезнуть с политической карты

Европы, что и случилось бы в 1849 г. без русского вмешательства. Если разобрать каждое из этих трех положений, то оказывается, что, хотя каждое из них в отдельности довольно близко к истине, тем не менее вытекающей из них вывод представляется при ближайшем его обсуждении довольно сомнительным.

Австрийская неблагодарность представляет бесспорный факт в отношениях ее к России как во время кампании, так и после нее. Князь Паскевич не раз имел основание жаловаться на несоблюдение как австрийским интендантством, так и Генеральным штабом условий военной кооперации. Этим главнейше обусловлены были и некоторый частные неудачи русских военачальников, особенно же прорыв через русскую операционную линию армии Гергея, благодаря которому война затянулась по крайней мере на месяц и окончилась сдачей этой армии не под Вацовом, а под Вилагошем. После же этой сдачи, когда и другие отряды мятежников положили оружие перед русскими же, главным образом, войсками, в приказах о прекращении мятежа генерала Гайнау (от 6/18 октября), в поздравлении австрийской армии с этой победой от имени генерала Радецкого (9/21 октября) и, наконец, в манифесте по сему поводу императора Франца Иосифа (23 августа) нас поражает полное и, конечно, не случайное умолчание о заслугах в этом отношении русских войск. Несколькими же позже, когда началась восточная война, тот самый Шварценберг, который в марте 1849 г. так смиренно упрашивал князя Паскевича о содействии в обороне Вены от мадьярских мятежников, с неприличной похвальбой в 1854 г. «удивил мир австрийской неблагодарностью», очень недвусмысленно приняв сторону «союзников» в борьбе со спасителем Австрии императором Николаем I.

Но вольно же было этому рыцарственному императору рассчитывать на благодарность в политике, которая, между тем, как всем известно, направляется интересами, а не чувствами. И русский поход в Париж для спасения «Европы от тирана» не вызвал особенной благодарности в сердцах немцев и итальянцев, испанцев и англичан, в интересах которых русские солдаты проливали свою кровь под Лейпцигом и Ватерлоо. Даже более родственные нам по плоти и духу народы и государства, например, Сербия, Румыния, Греция, Болгария, не раз забывали в отношении к России свой долг благодарности, когда он приходил в действительную или мнимую коллизии с так называемыми «национальными аспирациями» этих. Так и Германия лет через 8 после Седана забыла об исторической телеграмме Вильгельма I к Александру II о вечном долге благодарности. Не помнит и нынешняя Италия французской крови, пролитой

под Маджентой и Сольферином за освобождение и объединение итальянцев.

Император Николай I, бесспорно, погрешил в 1849 г. против интересов России и славянства. Положение австро-угорских славян со включением столь близких нам по крови и духу червонорусов, если и не стало — особенно на первых порах — хуже, то не стало и лучше; по крайней мере, это улучшение ничем не было обеспечено, так что с 60-х годов оно вновь ухудшилось, и в настоящее время большинство этих славян или даже все они, за изъятием поляков и отчасти хорватов, подавлены еще более, чем как это было перед венгерской кампанией. Но виновником этого ухудшения следует, по нашему убеждению, считать не кампанию, а мир, ее заключивший, или, вернее, отсутствие всякого мира, всякого договорного обеспечения тех славянских и румынских прав, за которые Россия ратовала — быть может, не вполне сознательно, а полуинстинктивно — в памятном 1849 году. Выводя свои войска с театра польско-мадьярского мятежа, Россия не заручилась никакими гарантиями против возвращения тех порядков или, вернее, беспорядков, которые вызвали и мадьярскую революцию, и румыно-славянскую контрреволюцию, потребовавших русского военного вмешательства и стольких кровавых жертв. Если бы Россия не сделала этого промаха и заручилась по окончании войны какими-нибудь материальными обеспечениями против повторения смут в соседних австрийских областях, вроде, напр., тех, какими заручилась сама Австрия в Боснии, а Англия в Египте, то не могли бы в 60-х годах и позже повториться в Венгрии и Семиградии, Хорватии и Славонии, Чехии и Моравии, Галичине и Буковине те же волнения, те же народные смуты и польско-мадьярский террор, которые довели некогда до революции 1848 г. и потребовали русского вмешательства в 1849 г.

Что касается третьего вышеуказанного довода приверженцев распространенного донныне мнения о бесполезности и даже вреде этого русского вмешательства, то, конечно, в настоящее время ни Палацкий, ни Елачич не приняли бы уже своим политическим девизом или даже боевым знаменем известного изречения: «Если бы Австрии не было, то ее (как Вольтерова бога) нужно бы выдумать», которое мотивировано было главным образом силой России и слабостью отдельных австро-угорских народов. В самом деле, если *raison d'être* Австрии лежит не в ней самой, а вне ее, положим, в могуществе России и слабости Германии, вообще в условиях политического равновесия народов и государств Европы, то из этого бы следовало, что Австрия становится излишней, как скоро эти условия изменятся, напр. по ослаблении России по Парижскому миру или

усилении Германии по миру Пражскому и Франкфуртскому. Из-за Шварценберга и Гайнау, Голуховскаго и Бейста, Андраши и Тафе, конечно, не стоило России в 1849 г. тратить 10–15 000 русских солдат и сотни миллионов сбережений русского народного труда. Не стоило это тем более, что не только Деакова, но и Кошутова Венгрия воскресла затем в новой силе, получив в австрийских немцах и польских панах, отчасти в династии Габсбургов, могущественных союзников для издевательства над Россией и ее ближайшими единовременцами и соплеменниками в Цислейтании и Транслейтании.

Но, с другой стороны, возможно ли утверждать, что в случае распада Австрии в 1849 г. положение и России, и этих ее союзников было бы непременно лучше, чем каким оно представляется в настоящее время?

Вряд ли. При решении этого вопроса нужно ведь принимать в соображение не те политические комбинации, которые следовали за русским походом 1849 г. и в значительной степени были именно им обусловлены, а те, которые, судя по историческим вероятностям, возникли бы в Европе в случае распада тогдашней Австрии. Как страна смешанного населения, не имеющая плотного зерна, Австрия поневоле распалась бы на народности, родственные соседним племенным группам, а потому и тяготеющая к последним. Между этими народностями итальянцы нимало не колебались бы в своей нравственной принадлежности к Италии — в форме ли республики, с папой во главе или монархией, объединенной Савойским домом, как это и случилось впоследствии благодаря деятельности Кавура и Виктора-Эммануила. Австрийские же немцы тогда, как и теперь, тяготели, конечно, к Германии, одни — республиканской, другие же — монархической, с прусским королем во главе. 28 марта 1849 г. Фридрих Вильгельм IV был даже избран франкфуртским сеймом в немецкие императоры, но не мог утвердиться в этом звании отчасти по протестам Австрии, но еще более по несочувствию к этому со стороны императора Николая I. Таким образом, при распаде Австрии в 1849 г. национально-политическое объединение как Италии, так и Германии, столь сильно изменившее международные отношения Европы, конечно, не в пользу России, совершилось бы в Италии за 10 лет, а в Германии за 20 лет раньше и гораздо полнее, чем это видим ныне, когда именно Австрия является полем для развитая ирредентизма: на юге — итальянского, на севере же — немецкого. Но еще более затруднений представило бы для русской внешней и внутренней политики при распаде Австрии в 1849 г. неизбежное образование двух революционных республик — мадьярской и польской, из коих первая явилась бы опасным врагом для народного разви-

тия не только словаков, угрорусов, сербов, хорватов, румынов, но и всего подбалканского славянства; вторая же создала бы в Галичине революционный центр для восстановления Речи Посполитой, как говорится, «от моря до моря». Конечно, осуществление коштутовской программы о дунайско-балканской федерации с мадьярами во главе встретило бы столько же существенных затруднений, сколько и восстановление польской республики в исторических ее границах. Быть может, в конце концов, ни мадьяры, ни поляки и не справились бы с подобными затеями, которые неизбежно вызвали бы сопротивление в поработаемых ими народах, тем более что последние могли бы при этом опереться именно на России. Но все же появление на ее границах двух враждебных ей республик, которые надолго стали бы центрами притяжения для всех революционных элементов Европы, бесспорно, создало бы для России бесчисленные затруднения, которые парализовали бы на несколько десятилетий ее успехи в международной области.

Но если бы даже Австрия и без русского вмешательства в 1849 г. справилась со своими затруднениями настолько, что спасла бы династически свой принцип, как это удалось ей в 60-х годах, после разгрома под Садовой, то все же это была бы уже Австрия дуалистическая – полунемецкая и полумадьярская, которая, как мы видим ныне, оказалась бы еще враждебнее к России, чем Австрия старая, меттерниховская и баховская. В 1854 г. такая Австрия бросилась бы не то что на Молдо-Валахию, а на Киев, Вильну, Варшаву, причем России пришлось бы отражать ее не в союзе с габсбургскими войсками, как это было в 1849 г., а на свою руку, одновременно с отражением «союзников» от Севастополя. Так и в 1863 г. Австрия дуалистическая, с господством немцев в Чехии, поляков в Галичине, а мадьяр в Венгрии, послужила бы, конечно, более надежным оплотом для польских мятежников Царства Польского, Литвы и Волыни, чем каким послужила для них Австрия Шмерлинга.

Но Россия не привыкла, быть может, и не должна как всемирно-исторический деятель высшего порядка определять свою деятельность, свою политику единственно своими собственными и непосредственными интересами: она призвана быть историческим представителем всего славянского племени, а культурным – еще большей группы народов греко-славянских. Следовательно, и при выяснении исторического значения венгерской кампании необходимо задаться вопросом: не была ли она полезна, быть может, даже необходима для этих народов, поскольку они населяют Австрию и связаны с ее судьбами, например, для червонорусов, словаков, чехоморавян, румынов и, наконец, самих мадьяр?

Ответ на этот вопрос по отношению ко всем этим народам, за изъятием разве последних, давно уже представлен наиболее компетентными знатоками их истории и жизни в политической литературе этих народов.

Для червонорусов русский поход 1848 г. был чуть ли не эпохой в истории их возрождения. Со времени войн наполеоновских тут впервые увидели червонорусы своих закордонных братьев в грозном величии силы и победы, как миротворцев Австрии и своих освободителей от гнета польского по сию сторону Бескидов и мадьярского по ту их сторону. Это не только улучшило их положение, по крайности на первое время, но, что еще важнее, возродило их надежды, следовательно, и энергию в борьбе, которая без помощи со стороны России не могла бы не представляться безнадежной. Этим объясняется восторг, с которым встречали в 1849 г. червонорусские поселяне наши войска, и искренние сожаления, с которыми они провожали их по окончании войны.

Таково же было освобождающее и ободряющее значение похода 1849 г. и на словаков, которые, бесспорно, составляют самую даровитую часть угорского населения и которые играли чуть ли не первенствующую роль в истории Закарпатья, начиная с Ростислава и Святополка Великоморавских, а затем в период гуситский, реформационный, вплоть до XIX в. Даже и в ближайшее к нам время словаки, несмотря на измену своей народности со стороны значительной части их мадьяронствующего дворянства, из среды которого вышел, между прочим, и Кошут, наряду со множеством других мадьярских деятелей и писателей, произвели, однако, столь важных в истории славянского возрождения людей, как Шафарик, Коллар, Кузmani, Гурбан, Годжа, Штур и мн. др. Под предводительством трех последних словаки организовали даже в 1848–1849 гг. особый отряд, действовавший против войск Кошута и вообще мадьярских террористов. Положим, действия эти были не особенно удачны до прибытия на подмогу русских войск. Все же они служат неопровержимым доказательством согласия политики имп. Николая I в венгерской кампании с желаниями и интересами самых выдающихся славянских патриотов, таких людей, как Гурбан, Годжа, Штур между словаками и Адольф Иванович Добрянский между угрорусами. Все эти люди, как и многие другие славянские патриоты между угрорусами и словаками, лишь с трудом спасли тогда свою жизнь от мадьярских вешателей, и если впоследствии они могли продолжать и развить свою деятельность на пользу народа, если несколько лет спустя Штур мог, правда, лишь в рукописи, составить свой блестящий трактат «О славянстве и мире будущего», изданный в русском

переводе проф. В.И. Ламанским в 1867 г., то этим и словаки, и славянство обязаны именно русскому походу 1849 г. Правда, надежда тогдашних словаков и угрорусов обеспечить свое народное развитие в особых административных округах, выделенных от округов мадьярского, румынского, сербского и т. д., не оправдалась, тем не менее в 50-х и 60-х годах, до появления и утверждения бейстовско-деаковского дуализма, положение словаков и угрорусов было значительно лучше, чем в 40-х годах, особенно под Кошутом. Таким образом, русский поход 1849 г. доставил словакам и угрорусам если не народную свободу, то хотя некоторую передышку, благодаря которой могло в них несколько окрепнуть народное самосознание, служащее им ныне единственным щитом против ударов фанатизованного мадьяризма и разнузданного иудаизма.

Чехоморавские соплеменники словаков, хотя непосредственно не страдали от мадьяр и мадьяронов коштувского правительства, немало, однако, выиграли от разгрома революционеров, ибо прямым следствием его было обуздание и франкфуртских германистов, считавших Чехию членом немецкого союза и подготовлявших военную экзекуцию против несогласных с этим чехов и моравян, имевших во главе своего знаменитого историографа Палацкого.

Польская шляхта в Галичине, а еще более польские эмигранты с Бемом и Дембинским во главе, конечно, потеряли после русской кампании не одну утопическую надежду. Мечты о восстановлении польской Речи Посполитой, хотя бы в форме австрийской секундогенитур, отодвинуты были этим походом в неопределенную даль. Но для народных польских масс это могло быть лишь полезно, ибо интересы, да и чувства панов и шляхты с одной стороны, а польского крестьянства — с другой вовсе не были и тогда тождественны, а, наоборот, глубоко различны, как это выразилось, между прочим, и в кровавой расправе 1846 г., учиненной польскими крестьянами в Бохне и других смежных округах Западной Галичины над панами, ксендзами и евреями — во вкусе наших гайдамацких бунтов прошлого века. Возможность повторения подобного бунта была и в 1848—1849 гг. уздой, сдержавшей революционную рать польских шляхтичей, которые, быть может, и по этой причине предпочли перенести свою деятельность в Венгрию и Семиградю вместо Галиции и собственной Польши.

Солидарность с русской политикой 1849 г. сербохорватских стремлений и интересов доказывается прежде всего тем, что сербы и хорваты собственно и положили начало вооруженному протесту против мадьяризаторских притязаний Кошута и его партизанов. Духовный вождь сербов патриарх Раячич за полгода до русской кам-

пании, в октябре 1848 г., обращался к русскому консулу в Белграде с ходатайством о вооруженном вмешательстве России в защиту сербохорватов и других угорских славян от мадьярского террора. Хорватский же бан Елачич был и деятельным соратником русских войск в походе 1849 г. Благодаря тому и улучшилось несколько с 1849 г. национальное положение угорских сербов и хорватов, так что для первых восстановлена была – правда, более номинально – особая административная область Воеводина, а для хорватов был сохранен особый бан, поставленный во главе автономных учреждений, в лице сначала Елачича, а после – известного хорватского поэта Мажуранича. Лишь со времени дуализма (1867 г.) постепенно ухудшилось положение хорватов, которые, однако, и доныне сохранили права своего языка, по крайней мере, в домашнем обиходе, в областном управлении, судах и школах. Конечно, все это является крайне непрочным при нынешних отношениях Хорватии к Венгрии под управлением мадьяронствующего бана Куен де Гедервари. Отторжение от Хорватии г. Реки (Fiume) с его отличной гаванью является тревожным прецедентом для постепенного отторжения и других лакомых кусков из древнего достояния Хорватии. Но все же процесс ее разложения не сделал доныне таких успехов, как если бы он начался в 1849 г., т. е. целым поколением раньше.

Вряд ли возможно оспаривать пользу русского похода 1849 г. и с точки зрения румынской народности.

Всем известно, в каком забитом положении находилась она до 1848 г. в Семиградии, а равно в Банате и смежных жупаниях Венгрии. Составляя в Семиградии бесспорное большинство населения, румыны были тем не менее совершенно оттеснены в ней мадьярами, секлерами и саксами на задний план, так что лишь эти *tres nationes* считались политическими единицами по законам этой страны, как будто в ней и не было румынов. А между тем они составляют не только самую многочисленную, но и самую древнюю – наряду со славянами – часть семиградского населения, в сравнении с которою секлеры, мадьяры, саксы являются уже позднейшими пришельцами, гостями в этой срединной части римской Дакии. Если к этому национальному гнету еще прибавить социально-экономическую, а даже и религиозную порабощенность православных румын со стороны иноверной знати и венгерского правительства, то легко понять крайнее их недовольство своим положением и стремление к освобождению от вековых пут. Румыны и предполагали этого добиться, но не при помощи мадьяр и Кошута, а без них и даже вопреки им, по крайней мере в автономной и совершенно независимой от Пешта Семиградии. Понятно, что при таких отношениях русские

войска должны были показаться румынам, как и червонорусам, словакам, сербам, хорватам, освободителями от вековых притеснений, ничуть не уступавших турецким, но более изысканных и опасных для духовной свободы народа. Стой, собственно, поры и начинается развитие народного самосознания семиградских и угорских румынов, достигшее к нашему времени такой энергии, которая уже не может быть подавлена ни «бичами», ни «темницами». Здоровое же направление этого самосознания, зародившегося и окрепшего при совместной борьбе румынских партизанов и николаевских солдат 49 г. против мадьярского террора, выражается теперь в полной солидарности румынов со словаками, сербами и др. угорскими славянами, в обороне своих народных прав от притязаний и насилия мадьяронского правительства и полуиудейского парламента нынешней Венгрии.

Вдобавок к сказанному я решаюсь утверждать, что русский поход 1849 г. принес пользу не одним славянам и румынам, но и самим мадьярам, если под ними разуместь не верхний слой, а народную массу. В самом деле, поход этот, во-первых, рассеял в мадьярских головах манию мнимого величия этой мелкой финской народности, которая раздувалась искусственно до роли немцев, итальянцев, славян, вообще крупных деятелей европейской жизни и образованности; во-вторых, крушение в 1849 г. здания единой Мадьярии, с такими усилиями сооруженного двумя или тремя поколениями мадьярских писателей и деятелей с эпохи Иосифа II, доказало тщету всех попыток насильственного претворения многомиллионных масс славянского, отчасти и румынского населения Венгрии и Семиградии в финно-мадьярский племенной тип, а, следовательно, содействовало, по крайней мере, для будущего воскрешения заветов св. Стефана, внушавшего своему сыну, что *unius linguae uniusque nationis regnum imbecille et fragile est*; в-третьих, очевидная недостаточность помощи западноевропейских народов в борьбе мадьяр со славянством и его вождем – Россией не могла не пробудить в них сознания, что Угрия принадлежит Востоку, а не Западу, что, подобно Чехии, Польше, Галичине, Румынии, она не может быть оторвана от принадлежности к миру греко-славянскому, не может в угоду политикам или эксплуататорам перейти в чуждую ей сферу притяжения и интересов мира романо-германского; наконец, в-четвертых, разгром революционного сброда, собравшегося со всех концов Европы под знаменами Кошута, Бема, Дембинского, Гергея, освободил хотя на время страну и мадьярский народ от терроризма и эксплуатации со стороны этих *conquistadores*, а вместе и от примкнувшего к ним сословия венгерских немешей, которые искали для себя в политике

вознаграждения за отмену «работ» и «десятин», вообще дарового труда и поборов с простолюдины.

И эти полезные последствия русского похода довольно рано были осознаны мадьярским крестьянством, отчасти и лучшими элементами в мадьярском обществе, не исключая офицерского. Этим главнейше и объясняется сдача Гергея и других мадьярских армий не Гайнау и другим австрийским генералам, а князю Паскевичу, к посредничеству которого мадьяры прибегли и для призвания на венгерский престол одного из членов дома Романовых. Если же в среде мадьярской интеллигенции, отчасти и мадьярского дворянства проявлялись и тогда, и ныне неприязненные чувства к России и даже предпочтение к немцам, то это объясняется немецким воспитанием этой интеллигенции и остатками в Венгрии феодализма, роднившего ее знать с немецкой, вообще западноевропейской, подобно как это имеет место в среде панства и шляхты польской!

Только для итальянцев и немцев, которые в 1848 г., по-видимому, так уже близко стояли – первые от панитализма, а вторые от пангерманизма или, вернее, от всенеметчины, русский поход 1849 г. оказался невыгодным или даже прямо вредным. В самом деле, без этого похода не мог бы Радецкий восстановить господства Габсбургов в Верхней Италии, так что объединение ее с Средней и Нижней Италией под домом ли Савойским или в виде Апеннинской республики совершилось бы задолго до Кавура и, вероятно, полнее, чем при нем. Торжество Пруссии над Австрией и объединение немцев под скипетром Гогенцоллернов также совершилось бы раньше окончательного разгрома в 1849 г. Габсбургской монархии мадьярами и вообще революционными элементами. Не пришлось бы тогда немцам ожидать своего Бисмарка до 1866–1870 гг. и вторично сколачивать свою всенеметчину с такими тяжелыми жертвами и при столь нежелательной для них зависимости от воли царя.

Но, с точки зрения высших интересов европейской или вообще мировой образованности, был ли полезен или вреден этот поход?.. Полагаю, что, как ни плохо было во многих отношениях обусловленное этим походом управление Шварценберга и Баха, а потом Шмерлинга, Голуховского, Гербста и др., все же оно было гораздо лучше смут революции, анархии, террора. К тому же революция венгерская не может быть сравниваема по своим стремлениям ни с североамериканской, ни с Великой французской, ни даже с сербской, греческой, румынской. Она не развилась самостоятельно из положения и потребностей мадьярского народа или венгерских народностей, а, наоборот, была им искусственно навязана эмиссарами Запада, беглецами из Парижа, Франкфурта, Берлина, Вены. Скорее

всего, можно сравнить эту революцию по ее идейным задачам с польскими бунтами 1830 и 1863 гг. Герой этой революции Людвиг Кошут не был ни Вашингтоном, ни Мадзини, ни даже Парнелем, а скорее Стамбуловым, но несколько лучшего тона и в более широком круге действия. Он ратовал не за освобождение венгерских народов, а за их порабощение мадьяризмом. Воюя с Австрией, он был в постоянных сношениях с великонемецкими революционерами и в этом смысле – союзником и орудием немцев. Напуская на себя вид принципиального демократа, даже республиканца, он не прочь, однако, был после Вилагоша подчинить Венгрию хотя бы Николаю I, но с тем чтобы остаться в ней «губернатором» или хотя бы конституционным министром. Если же все забыто и исторический образ Кошута возвышается ныне как некий идол мадьяризма, то это объясняется чрезвычайным сходством большинства мадьярских немешей по психическому типу с типом Кошута. При болезненном их самомнении, которому так хорошо умел льстить Кошут, в его лице они обожают себя, свою испорченную волю, неудержимый шовинизм и своекорыстный племенной фанатизм. Никто из нынешних мадьярских патриотов не вменяет Кошуту в вину его позорного бегства, как не осуждают они и сдачи гергеевой армии, ибо того требовала-де безопасность первого и самосохранение последней. Не на идеальных, а на чисто материальных, оппортунистических началах и соображениях построен и держится мадьяризм. В самом деле, как и чем идеализовать превращение славянина, румына, немца или даже цыгана – вообще арийца – в мадьярина, т.е. финна? Ведь это, очевидно, не прогресс, а регресс в смысле и антропологическом, и этнологическом, и психологическом, как это уже давно и наглядно доказано Вильгельмом Гумбольдтом в его трактатах о связи языков с психическим строем, вообще даровитостью народов. Потому-то между мадьярами и не было настоящих мучеников за народность, подобных мученикам славянским или румынским. Не могла иметь мучеников за себя идея, которая основывается – как у Аттилы и Тамерлана – не на обороне своего, а на насильственном и незаконном присвоении себе чужого достояния.

Итак, император Николай I не погрешил против интересов России, славянства, человечества подавлением в 1849 г. мадьярского мятежа, а ошибся лишь в том, что не признал нужным при заключении мира выговорить прочные гарантии улучшения участи единоплеменных и единоверных России народов в пределах Австрийской монархии, подобно как это было им же сделано в договоре Андрианопольском по отношению к грекам, румынам, сербам и отчасти болгарам.

Поход 1849 г. доказал, что Россия столь же мало расположена взирать безучастно на порабощение своих современников в Венгрии, как и в Турции, что долина Среднедунайская не лежит вне сферы законного русского влияния, и что судьба живущих в этой долине народов не может быть окончательно решена без участия и согласия России.

Не даром уже Начальная наша летопись считает Дунай прародинной славян вообще и русских в частности; не даром он признается столь заветной для русских рекой и в «Слове о полку Игореве»; не даром и в новейших наших песнях – и лирических, и эпических – так часто упоминается Дунай сын Иванович; не даром доньше охраняют наши русские соплеменники и верховья Тисы и Бескид как сторожевой вал нашего племени на западе.

В русской и вообще в славянской науке уже давно признана органическая сопринадлежность Hungarica к Slavica, след. и к Rossica. Эту связь необходимо признать основным тезисом и русско-славянской политики. Император Николай I понимал это инстинктивно. (?) Слава ему за это, а нам пример и урок для ближайшего и отдаленного будущего.

Приложение

В распоряжении автора имеется записка о походе 1849 г. одного из тогдашних австрийских военных комиссаров, прикомандированного во время похода к III корпусу графа Ридигера. Вот некоторые выдержки из этой записки.

«...Русские войска, как должно быть памятно всем участникам 1849 г., еще перед вступлением в Галицию и Силезию были приветствуемы как освободители не только русскими галичанами, но также галицкими мазурами (поляками) и чехомораванами, ибо эти мазуры столь же боятся восстановления Польши, как чехи и моравяне усиления наступательного германизма, против которого они борются в течение уже тысячи лет. Еще с большим одушевлением встречаемы были войска кн. Паскевича славянами и румынами Угрии и Семиградья, которых они спасали от терроризма мадьярских верховодов. Лишь с этого времени прекратилась деятельность мадьярских правительственных комиссаров и военных судов, которые покрыли страну виселицами и наполнили тюрьмы ослушниками из немадьяр. Неудивительно, что русское население жупаний Шаришской (Sáros), Абауйской (Abauj), Боршодской (Borsod) целыми массами устремлялось к главной дороге, по которой двигалась из Дукли к Мишковцу (Miskolcz) превосходно снаряженная русская армия, охотно снабжая ее и подводами, и продовольствием, и вообще угощая по мере средств своих братьев и избавителей. С таким же восторгом встречены были в Семиградии войска генерала Лидерса единоверным им румынским населением, которое также страдало не менее славян от мадьярских комиссаров и кровавых судов».

«Одушевление славянского населения Угрии еще более возросло, когда оно убедилось, что может объясняться с русскими воинами на своем языке, молиться с ними в одних (червонорусских) храмах, когда открыты были по приказанию военных комиссаров этой армии тюрьмы, переполненные политическими преступниками, и когда за поставляемые армии подводы, продовольствие и т. п. народ получал золото и серебро вместо господствовавших дотоле кошутовских банкнот. И русские войска были радостно удивлены, встретив в неприятельской стране столь дружественное и даже родственное население. Многие солдаты были даже искренне убеждены, что они все еще находятся в России и все спрашивали, где же, наконец, находится земля неприятельская, мадьярская. Лишь к югу от Мишковца, где протекает р. Топля, еще в XI в. служившая (по Chronicon Hungaropolonicum) границей между Венгрией и Русью, совершенно изменились эти условия, ибо в самом Мишковце солдаты могли еще

объясняться с жителями даже мадьярского происхождения на языке славянском».

«Поход через мадьярскую часть Угрии между Мишковцем и Великим Варадином не занял бы много времени, если бы авангардному III корпусу гр. Ридигера не пришлось дожидаться у Дёндёша (Gyongyos) армии Гергея, пробивавшейся из-под Коморна и Вайцена на юг для соединения с главными мадьярскими силами. При этом в армии Гергея оказалось много дезертиров: например, у Балаша-Дярмат от 4 до 6000 славян и румынов спрятались в кукурузу и затем отдались русским, которые распустили их по домам. В Дебречине и мадьярское население было очаровано гуманным обращением русских войск с жителями по взятии этого города и, между прочим, торжественным молебном этих войск на главной площади».

«Вообще, после Дебречинского сражения изменился взгляд на русских и в среде мадьярского населения, которое по прокламациям своего правительства привыкло считать русских солдат какими-то разбойниками, вообще вырожденками человечества. Уже в Беретью-Уйфалу (Berettyo-Ujfalú), по пути из Дебречина в Великий Варадин, явился к военному комиссару III корпуса один из влиятельных местных обывателей и заявил ему по секрету, что жители Беретью-Уйфалу и его окрестностей, незаконно лишённые своих прав, коими они прежде пользовались как вольные гайдуки, охотно подчинятся русскому царю и даже примут его веру, которая некогда господствовала у их предков. Несколько же дальше, в селении Артанде (Artand) близ Великого Варадина, явилась особая депутация, состоявшая из генерала Пельтенберга (Pöltzenberg), подполковника Беницкого (Beniczky) и ротмистра гр. Бетлена (Bethlen), от имени уполномоченной на то диктатором Кошутом армии. Депутация эта просила у генерала гр. Ридигера свободного пропуска в русскую главную квартиру, чтобы поднести угорскую корону и армию императору Николаю или, буде это окажется невозможным, великому князю Константину, либо, наконец, герцогу Лейхтенбергскому, и испросить для сего содействия фельдмаршала кн. Паскевича».

«Хотя гр. Ридигер откровенно высказал свое мнение, что вряд ли кто возьмется передать такое ходатайство императору Николаю, столь дружественно расположенному к австрийскому императору, тем не менее названная депутация отправилась в русскую главную квартиру, и мадьяры были убеждены в благоприятном ее приеме кн. Паскевичем, как это обнаружилось при дальнейшем следовании III корпуса из Великого Варадина в Киш-Ены (Kis-Jenő)».

«Хотя страна эта заселена почти исключительно румынами, однако в ней встречаются и отдельные мадьярские селения, например

Салонта (Szalonta), Фекете Ардов (Fekete Ardö), затем Надь Зеренд (Nagy Zeren) и др. Во всех этих селениях народ с одушевлением рассказывал о предстоящем счастье включения Венгрии в состав могущественной и богатой России. Для русской армии эти поселяне доставляли охотно и в отличном виде нужный провиант, тогда как к Австрии относились самым враждебным образом. Известно, что и генерал Гергей не желал сдаться австрийским войскам, а единственно русским, как он и действительно сдался под Вилагошем русскому корпусному командиру гр. Ридигеру. Необходимо заметить, что сдача эта была вызвана крайней необходимостью, а именно усиливающимся дезертирством солдат и очень враждебным отношением к революционным войскам со стороны местного румынского населения. Австрийскому военному комиссару при III русском корпусе, следовавшему со взводом казаков из Вилагоша в Киш-Ены, после сдачи Гергея пришлось лично освободить от неминуемой смерти нескольких мадьярских кавалеристов, захваченных по пути румынскими крестьянами».

«Пленные мадьяры сумели скоро расположить к себе русских офицеров и солдат указанием на то, что они поднесли императору Николаю I корону и армию Венгрии, и вообще своим умением прилаживаться. Всем бросалось тогда в глаза демонстративное братанье победителей с побежденными, тогда как между офицерами союзных армий, т. е. русской и австрийской, постепенно развился труднообъяснимый антагонизм, так что с обеих сторон пришлось принимать энергические меры против все учащающихся поединков между этими офицерами. Этим обусловлено было и ускорение передачи мадьярских пленников австрийским войскам. Но и после того мадьярские поселяне с отвращением относились к Австрии и сопротивлялись снабжению австрийских войск необходимым провиантом. Это случилось, например, в селении Фекете-Ардов с эскадроном австрийских кавалеристов с бар. Рейшахом во главе. Когда австрийский комиссар III русского корпуса, прибывший в это селение с 20 казаками, спросил у местных стариков о причине отказа в доставке провианта войскам австрийским, тогда как русским он был доставлен исправно и охотно, старшины ему ответили: “Мы имеем основание считать русских солдат своими друзьями, а австрийских – врагами”. Конечно, этот резон не подействовал, и провиант был реквизирован силой».

«Когда по окончании войны была отчеканена в память ее медаль с надписями: “За усмирение Венгрии и Трансильвании” и “Разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами Бог”, то австрийское правительство, дозволив своим подданным – участникам похода принять эту

медаль, не разрешило ее носить, может быть, предполагая в этой надписи намек на предложение царю венгерской короны».

Источник: Будилович А.С. О значении русского похода 1849 г. для австро-угорских народов // Русская беседа. 1895. Декабрь. С. 137–156.

Source: Budilovich A.S. Regarding the Significance of the Russian Campaign of 1849 for the Austro-Hungarian Peoples. *Russkaya beseda [The Russian Colloquy]*. Dec. 1895. pp. 137–156.

Будилович Антон Семенович (1846–1908) – русский филолог, славист, публицист, редактор, общественно-политический деятель, популяризатор славянофильских идей, профессор Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1875–1881), профессор Варшавского (1881–1892), профессор и ректор Дерптского (1892–1901) университетов, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член Санкт-Петербургской духовной академии, тайный советник. Секретарь, товарищ председателя Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, основатель и председатель Галицко-русского общества.

Anton S. Budilovich (1846–1908) – Russian Philologist, Slavist, Publisher, Editor, Social-Political figure, Promoter of Slavophile ideas, Professor of the Historic-Philologic Institute in honor of Prince Bezborodko in Nezhin (1875–1881), Professor of the Warsaw University (1881–1892), Professor and Rector of Derpt University (1892–1901), Member Correspondent of the St. Petersburg Academy of Science, Honored member of the St. Petersburg Theological Academy, Secret Advisor. He was also Secretary, Colleague of the President of the St. Petersburg Branch of the Slavic Benevolent Committee, Founder and President of the Galician-Russian Society.